

Противоречия мнимые и реальные 1

Доктор П. Медавар отмечает две болезни в современной духовной культуре – «поэтизм» и «сциентизм» (от латинского «scientia» – наука). «Поэтизм», по его определению, – это поэтично-беллетристический стиль мышления, оборачивающийся «цветением речи», или, говоря грубее, выпрненной болтовней.

«Сциентизм», о котором профессор Медавар говорит меньше, – принципиально обезчеловеченная «научность», наука, сознательно противопоставившая себя всем «поэтично-беллетристическим» (а на самом деле – всем гуманистическим) идеалам и ценностям. Это та самая «научность», следуя духу которой один известный «сциентист» радостно воскликнул в час трагедии Хиросимы: «Какой великолепный физический эксперимент!»

Каждая из этих двух болезней – односторонне гипертрофированная, переродившаяся способность здорового человеческого интеллекта. И доктор Медавар прав, когда расценивает «поэтизм» и «сциентизм» как одинаково мертвые продукты разложения «нормального» научного и поэтического мышления.

Но тогда перед ним сразу же встает коварный вопрос об этом самом «нормальном» статусе науки и искусства. А вслед за этим – не менее коварный вопрос о причинах, в силу которых кое-где происходит вырождение науки в «сциентизм», а поэзии – в «поэтизм». И этот аспект его размышлений не может не вызвать живейшего интереса и... некоторых возражений.

Доктор Медавар совершенно справедливо выражает неудовлетворенность тем представлением о научном познании, которое вот уже столетия проповедуется так называемым «индуктивизмом» – односторонне-эмпирической теорией познания, особенно прочно укоренившейся на английской почве. Согласно этому представлению, наука начинается с восприятия единичных фактов, после чего исследователь отыскивает в этих фактах нечто общее, выделяет «существенное общее», фиксирует его термином (понятием) и наконец строит из таких терминов логически непротиворечивую систему – теорию, науку.

Развитие реальной науки наглядно продемонстрировало, что это представление – всего-навсего наивный миф, что дело обстоит далеко не столь просто, а классическая философия давно развеяла иллюзии «индуктивизма», показав, какую активную роль в самом «созерцании» фактов, а тем более в процессе их отбора и обработки играет воображение. Истина «схватывается» вначале как образ некоторого конкретного целого. В рамках этого образа аналитический рассудок расщепляет целое на отдельные части, чтобы потом снова связать их в единстве понятий, в теории. Поэтический образ (искусство) – это идея, оформленная силой воображения, а понятие (наука) – та же идея, развернутая деятельностью мышления.

Все эти мотивы сквозят уже у Канта и Фихте, а Шеллинг и особенно Гегель превращают их в целостную концепцию развития знания. Конечно же такая концепция с ее напряжённой диалектикой гораздо ближе к истине, чем детские мифы английского «индуктивизма».

Как видим, такое понимание вовсе не представляет собой «современного открытия», которое к тому же «никому не принадлежит». Оговаривать это приходится не только ради восстановления приоритета автора. Гораздо важнее, что названное открытие уже во второй четверти прошлого же столетия было подвергнуто весьма основательной критической переработке, а в состав современной научной философии входит с очень серьезными коррективами, о которых почему-то не упоминает доктор Медавар.

Прежде всего коррективы касаются понимания идей как исходного творческого стимула. Неверно, что наука «начинается с образной идеи». Если самому ученому идея и представляется исходным пунктом его работы, то с более широкой точки зрения (а к такой точке зрения и обязывает научная философия) правомерен вопрос: «А сами идеи откуда? Что такое идеи?»

Просто сказать, что это плоды «творческой способности», «энергии творчества», «конструкции воображения» и т.д. (а большего доктор Медавар нам о них не сообщает), как раз и означает отделаться от самой трудной проблемы поэтическим оборотом речи. А нам нужен точный ответ.

Такой ответ научная философия дала. И дала именно в ходе критики обрисованного выше (гегелевского) «открытия». Маркс и Энгельс объяснили возникновение самих идей, т.е. тех планов и «предначертаний», в русле которых всегда развивается научное исследование, рождаются отдельные образы и отдельные понятия, конкретизирующие эти идеи.

В виде идей всегда выражают себя реальные потребности, созревшие внутри социального организма. Это потребности не индивида, а целых групп, масс таких индивидов. Они-то и «выказывают себя» в человеческом сознании (в том числе в сознании ученых) в виде идей. Тех самых идей, которые сами ученые нередко склонны принимать за исходный пункт всего процесса познания, за продукты «свободной игры ума».

Однако марксизм идет еще глубже в поисках корней и истоков движения познания. Потребность как прообраз идеи всегда выступает в виде напряженного противоречия. Противоречия между людьми, между классами людей, между способами их деятельности, между методами изменения природы, между формами технологии и т.д. и т.п. А в конце концов – и между взглядами, теориями, понятиями. Зажатый в тиски противоречия, ум человека ищет выхода. Идея – это и есть «придуманый», «увиденный» (т.е. найденный пока лишь в сознании) возможный выход за пределы сложившейся противоречивой ситуации – за рамки существующего положения вещей и выражающих его понятий. Это есть диалектика как логика и теория познания.

Если пренебречь диалектикой, останется только голая «методология», пекущаяся исключительно о формальной правильности теоретических конструкций и совершенно безразличная к «побуждениям и целям» работы ученых, т.е. к составу и содержанию тех идей, которые ими (хотят они того или нет) руководят, управляя как слепыми орудиями. Такая «методология» как раз и представляет теорию познания современного «сциентизма», т.е. «духа научности», умерщвленного в «формалине» абстракций и формул, принципиально равнодушного к реальным потребностям и страданиям живых людей, равно как и к социальному смыслу своих собственных свершений. И тогда, действительно, «сциентистски» кастрированная наука становится врагом – конкурентом всякой поэзии, которая сливается в ее глазах с «антинаучным краснобайством» по поводу утопических

«желаний, целей и стремлений» человечества. Поэзия для «сциентизма» сливается с «поэтизмом», и исчезает какая-либо возможность различить одно от другого...

Доктор Медавар ясно и недвусмысленно отстраняется от «сциентизма», а заключительное «самокритичное» признание в том, что-де мы, ученые, склонны к научности в силу нашей конституции, вряд ли всерьез относит к себе. Между тем синдром «сциентизма» определенно просматривается в некоторых положениях его статьи.

Это особенно сказывается там, где он говорит о принципиальном различии между «научным» и «поэтическим» пониманием истины. Верно – хотя и слишком общо, – что высшей добродетелью науки является ее соответствие действительности, тому, что «есть на самом деле». Но разве с поэзией – с настоящей большой поэзией – дело обстоит не точно так же?

Дело тут, по-видимому, в том узком понимании «действительности», из которого исходит Питер Медавар. Тот факт, что я в данное мгновение читаю газету, а не прогуливаюсь по лунной поверхности, далеко еще не есть та «действительность», с которой одинаково имеют дело и настоящая наука, и подлинная поэзия. Что значит «сфера более широкая, чем действительность»? За какими пределами она начинается? За пределами данного мгновения? Истина и в науке вовсе не заключается в согласии высказывания с отдельным эмпирическим фактом. Если же «действительность» понимать более широко и конкретно – в подлинно научном смысле, то освободить поэзию от обязанности считаться с нею не менее рискованно, чем обязывать науку к сочинению утопий и мифов.

Подлинно художественный образ – это тоже не «миф» (каким он кажется не только доктору Медавара, но и многим современным философам), не простая проекция желаний, устремлений и субъективных целей на экран действительности, а именно образ действительности, высвеченной в тех ее чертах, которые важны с точки зрения назревших внутри самой действительности противоречий, ждущих своего разрешения.

Перед лицом Действительности (с большой буквы) обязанности науки и поэзии совершенно одинаковы.

В этом пункте концепция доктора Медавара нам и кажется особенно уязвимой, туманной и расплывчатой. Не потому ли «поэзия» и представляется ему родственной скорее мифотворчеству (всякому мифотворчеству, в том числе и антинаучному, религиозному), нежели науке? Не потому ли он проявляет явную снисходительность к «поэтизму» в поэзии, в литературе, считая его «пустячным заболеванием» вроде легкого гриппа, сознавая в то же время, что для науки это заболевание смертельно? Нам кажется, что и в поэзии «поэтизм» – это вовсе не проявление избытка фантазии, творческой силы воображения, а, как раз наоборот, свидетельство ее недостатка, ее неспособности справиться с задачей образно-поэтического осознания действительности.

И конечно же наивно видеть причину обоих заболеваний – как «поэтизма», так и «сциентизма» – в роковом влиянии поэтов-романтиков и философов-индуктивистов. Корни их лежат гораздо глубже – в той социальной действительности, которая питает и культивирует эти умонастроения, в той форме разделения труда, которая вообще превращает людей в конкурентов, противопоставляя классы – классам, профессии – профессиям, способности – способностям. В буржуазной форме разделения труда. А вовсе не в прирожденной «конституции» ученых и поэтов.

Проблемы, поставленные доктором Медаваром, весьма серьезны. Тем более важно подойти к ним с точки зрения материалистической диалектики.

Наука и поэзия всегда были и всегда останутся друзьями, делающими одно общее дело. Конкурируют друг с другом всего-навсего «поэтизм» и «сциентизм», схожие с ними лишь чисто внешне, чисто формально.

«Поэтизм» – это заражение науки трупным ядом, просочившимся с кладбища поэзии, это вторжение не поэтического стиля мышления, а стиля плохой, больной поэзии, которая сама умирает от «поэтизма» (это вовсе не «пустячная болезнь»).

И со «сциентизмом» то же самое. Влияние науки и духа научности на литературу опасаться вряд ли приходится. Вот влияние «сциентистски» выродившейся научности – дело другое. Его может испытать и поэт, и даже живописец. И тогда он станет производить вербальные или геометрические «абстрактные структуры», имеющие к поэзии не больше отношения, чем «цветение речи» – к науке.

Но если эти уродливые карикатуры на науку и поэзию получили в современной (а в скобках скажем для точности – буржуазной) духовной культуре столь широкое распространение, что их начинают путать с их прототипами, то тем более важно чётко отличать одно от другого. А отличать их можно только с помощью подлинно современной теории развития научного познания – диалектики. С помощью ленинской теории отражения.

¹ Полемическая заметка Ильенкова в «Литературной газете» (1969).